

Первые шаги администрации Трампа. Ситуационный анализ.

31 января 2017 г. состоялось первое заседание Группы ситуационного анализа ИАНИОН РАН, посвященное теме «Первые шаги администрации Д. Трампа: Шансы и риски для Кремля». В ситуационном анализе приняли участие д. полит.н. Д.В. Ефременко, к.и.н. Т.Г. Пархалина, д.полит.н. Ю.Г. Коргунюк, д.э.н. С.Н. Смирнов, к.и.н. О.Н. Новикова, к.полит.н. Ф.О. Трунов, к.полит.н. Е.В. Пинюгина, к.соц.н. А.М. Понамарева, к.полит.н. Г.И. Кутырев, к.полит.н. И.В. Фомин, А.Ф. Дырина. Модератором дискуссии выступил заместитель директора по научной работе ИАНИОН РАН, д.пол.н. Д.В. Ефременко. Информация о специфике работы предвыборных штабов кандидатов и колебаниях общественных настроений накануне и сразу после состоявшихся в США выборов была представлена в сообщении заместителя директора ИАНИОН РАН, к.ист.н. Т.Г. Пархалиной, присутствовавшей в период завершения избирательной кампании в Нью-Йорке в качестве приглашенного эксперта МИД РФ на заседаниях Генеральной Ассамблеи, посвященных реформе Совета Безопасности ООН. .

Точкой отсчета в дискуссии о выстраивании будущего вектора американской внутренней и внешней политики при Трампе и влиянии принимаемых в Вашингтоне решений на Россию стало предметное рассмотрение первых указов нового главы Белого дома. Был сделан вывод о большом объеме подготовительной работы, проделанной командой Трампа, для которого победа на выборах изначально была не самоцелью, а средством достижения других, более масштабных задач. Тем не менее, собравшиеся отметили, что принимаемые им меры во многом носят реактивный характер: пока 45-ый президент США последовательно следует треку «дезобамизации».

Радикализм действий команды Дональда Трампа на внутренней арене стал для многих неожиданностью. Однако глубокий внутривнутриполитический раскол в США никаким сюрпризом не является. Двухпартийный консенсус давно остался в прошлом, и по крайней мере с середины 1990-х годов поляризация американской политической элиты только усиливалась. Трамп выводит ее на новый уровень, испытывая на прочность теперь уже и республиканскую партию. Решительная отмена *Obamacare*, совсем не примирительная инаугурационная речь, углубляющийся конфликт со СМИ, серия исполнительных указов, отменяющих ряд экологических ограничений и свидетельствующих о переходе к протекционизму, наконец, скандальные ограничительные меры в области иммиграции – все говорит о демонстративном отказе новой команды от преемственности политики администрации Обамы, существенном изменении политического и экономического курсов. Призывая массы к сплочению под знаменем «*America First!*», Трамп обозначил общего для «простых американцев» внутреннего «врага», обвинив вашингтонскую политическую элиту в паразитизме на теле страны.

В результате за первые десять дней президентства Трампу не только удалось сплотить своих противников, но и консолидировать социальную базу собственной поддержки. Но по всей вероятности, сдержки и противовесы американской политической системы и сейчас сыграют свою роль. Вслед за первыми решительными заявлениями и действиями начнутся процедуры длительного согласования документов, в ходе которых детали заявленных перемен, по всей видимости, окажутся предметом ожесточенного политического торга.

Большое значение имеет решение администрации Трампа об отказе от участия США в договоре о Транстихоокеанском партнерстве и пересмотре соглашения НАФТА. Отказываясь от мультилатерализма и делая ставку на двусторонние форматы межгосударственного взаимодействия, Трамп вполне может приумножить те

преимущества, которыми располагают США как экономическая и военная сверхдержава в рамках взаимодействия с большинством других стран. Разваливая Транстихоокеанское партнерство изнутри, Трамп не только защищает интересы национального промышленного капитала, но и перестраивает структуру взаимодействия с входившими в объединение странами Азиатско-Тихоокеанского региона под свои интересы. Так, в частности, выход из ТТП не наносит ущерба экономическому взаимодействию США с одним из «локомотивов» этого блока – Японией. Лидеры обеих стран подчеркивают заинтересованность в укреплении двусторонней торговли и расширении инвестиционных связей. Соответственно, пока еще рано говорить о том, что лидерство в форматах многостороннего торгового и инвестиционного взаимодействия автоматически переходит от Вашингтона к Пекину. Но несомненно, что, идя на этот шаг, Вашингтон утрачивает преимущества доминирования в масштабе многосторонних систем межгосударственного взаимодействия, которые стремился реализовать Обама в проектах ТТП и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). И если для администрации Обамы ТТП был одним из основных инструментов ограничения экономического и политического могущества Китая, то администрация Трампа, очевидно, в решении той же самой задачи будет делать ставку на жесткий протекционизм и военно-политические механизмы.

Делая ставку на протекционизм, Трамп демонстрирует стремление твердо отстаивать интересы социальных групп и штатов, являющихся его электоральной базой. Фондовые индексы реагируют на это с энтузиазмом, но долгосрочные перспективы вовсе не кажутся столь однозначными. В своем стремлении «восстановить производство внутри США» и тем самым резко снизить безработицу администрация Трампа неизбежно столкнется с вызовами т.н. Индустрии 4.0. Появление роботизированных решений множества производственных задач ведет к понижению ценности низко- и среднеквалифицированного труда, что в свою очередь, подорвет благосостояние наиболее активно поддерживающих Трампа групп населения. В конечном счете, Трамп может столкнуться с необходимостью выбора между социальной защитой своих избирателей и потребностью в комплексной технологической модернизации американской промышленности.

Контуры европейской политики администрации Трампа еще только обозначаются. Поддержка *Brexit*'а и в целом линии евроскептиков, многозначительная сдержанность в отношении институтов ЕС, нежелание возвращаться к переговорному формату Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства – такова исходная база будущего курса 45-го президента США в отношении европейских союзников. При этом НАТО со счетов не списывается: США лишь отказываются нести основное бремя расходов на коллективную оборону, настаивая на соблюдении правила, по которому каждая страна должна отчислять 2% от своего ВВП в бюджет альянса.

Администрация Трампа пока стремится избегать глубокой вовлеченности в украинские дела. Обсуждение перспектив разрешения украинского кризиса между Кремлем и Белым домом с использованием неформальных и непубличных каналов коммуникации было бы в настоящий момент весьма уместным. Это прекрасно понимают и в Киеве. Всплеск напряженности в прифронтовой зоне в районе Авдеевки и в других частях Донбасса, по всей видимости, связан с судорожными попытками Петра Порошенко предотвратить российско-американский диалог в формате, к которому официальный Киев не будет иметь отношения. Плодотворность этого диалога не стоит переоценивать: проще всего «согласиться не соглашаться», т.е. стабилизировать ситуацию на уровне, когда противоречия вокруг Украины не будут препятствовать налаживанию сотрудничества в других областях. Но нельзя исключать ситуации, когда «синдром усталости» Вашингтона от украинской проблематики трансформируется в «синдром забывчивости».

Для России складывающаяся ситуация представляется перспективной, хотя и не безусловно выигрышной. В частности, в числе обстоятельств, благоприятствующих новому старту отношений между Москвой и Вашингтоном, резкое снижение роли фактора несовпадения ценностей. По крайней мере, Трамп и его окружение свели риторику о ценностях в американской политике на международной арене к исторически беспрецедентному минимуму, создав тем самым условия для диалога на языке интересов, а не идеалов и принципов, которыми практически невозможно поступиться.

Сдержанно-благожелательное отношение к первым шагам 45-го президента США – оптимальная позиция для Москвы перед началом предметного диалога в координатах политического реализма. Те действия, которые Трамп предпринял или вот-вот предпримет – уже существенно меняют динамику международных процессов. Нельзя сказать, что все эти изменения – на благо России, но они, во-первых, делают невозможной ту весьма неблагоприятную для Кремля конфигурацию, которая должна была сложиться при ином исходе выборов в США, и, во-вторых, при общем возрастании уровня неопределенности в международных отношениях для России расширяется диапазон возможностей.

В преддверии вероятной встречи Владимира Путина и Дональда Трампа складывается ситуация, соответствующая по своим параметрам «повторяющейся дилемме заключенного». Согласно американскому политологу Роберту Аксельроду, в соответствующих обстоятельствах участники раз за разом делают выбор, но, в отличие от условий классической «дилеммы заключенного», помнят свои предыдущие результаты. При таких параметрах выигрышная стратегия для игрока состоит в следующем: 1) быть добрым – не предавать первым; 2) быть мстительным – отвечать ударом на удар; 3) уметь прощать – сохранить готовность к сотрудничеству, если оппонент прекратит предавать; 4) оставаться умеренным и независтливым – не пытаться набрать больше очков, чем оппонент. Такого рода стратегия позволяет выбраться из замкнутого круга бесконечной взаимной мести и максимизировать выигрыш.

При этом уже сейчас нужно как можно быстрее заканчивать с «трампоманией». Чрезмерное увлечение риторикой потенциальной российско-американской разрядки может переместить Россию в поле игр с нулевым определителем (*zero-determinant strategies*) – пространство, где комбинация Аксельрода не работает, так как один из акторов может заставить другого довольствоваться меньшей долей. В частности, в данный момент надежды на некую глобальную российско-американскую сделку (*big deal*) не только преждевременны, но и опасны. Чрезмерные ожидания могут привести к глубоким разочарованиям, а последние – к возрождению враждебности.

Далеко не факт, что сама Россия готова к череде крупных разменов в рамках т. н. «большой сделки». Надо сразу определиться с тем, что для России предметом размена быть не может. Из сферы возможного торга однозначно следует исключить отношения России с Китаем. Они имеют фундаментальное значение, и даже сама гипотетическая возможность их обсуждения и пересмотра в формате «большой сделки» приведет к ослаблению позиций России как в дальнейшем взаимодействии с КНР, так и с США. В то же время сохранение российско-китайского стратегического партнерства в качестве константы международных отношений резко обесценит значимость «большой сделки» в глазах администрации Трампа.

Поэтому наиболее перспективный путь видится в обоюдной готовности к налаживанию полноценного сотрудничества по крайней мере на одном, важном для Москвы и Вашингтона направлении при одновременном согласии проявить сдержанность в тех областях, где противоречия наиболее сильны.

К числу таких направлений относится борьба с международным терроризмом и разгром запрещенной в России группировки «Исламское государство» (ИГ), по крайней мере – освобождение из под ее контроля части территорий Сирии и Ирака. Условия для

этого создает подчеркнуто деидеологизированный подход администрации Трампа, который в отличие от Барака Обамы, делает упор не на демократизации Ближнего Востока и устранении сохраняющихся там нелояльных Вашингтону авторитарных режимов, а на максимально быстром разгроме радикальных исламистских группировок.

Фактически старт этой работе уже дан. Но помимо достижения эффективного уровня разделения труда и координации в военно-технической области, США и России необходимо достичь понимания того, каким они видят Большой Ближний Восток после военного разгрома ИГ и вероятной трансформации остатков этой группировки в сетевую террористическую структуру. Если такого взаимопонимания достичь не удастся, то возможный совместный успех в борьбе с ИГ может обернуться новым обострением российско-американских противоречий.

Вместе с тем контуры новой конфигурации разделения ответственности и влияния на Большом Ближнем Востоке начинают прорисовываться. Помимо США и России, свое место там могут занять Турция, Израиль (несомненный бенефициар прихода в Белый дом Дональда Трампа), Иордания, Египет и даже Ливия в случае обеспечения там господствующих позиций сил фельдмаршала Халифы Хафтара. В частности, стабилизация Ливии под руководством Хафтара могла бы стать и отдельным направлением нового российско-американского партнерства. Наиболее проблематичной в этой новой конфигурации является роль Ирана, с одной стороны, и Саудовской Аравии – с другой. Даже будущее режима Башара Асада во многом оказывается производным от того, будет ли включен Иран в эту конфигурацию в качестве партнера или же администрация Трампа станет настаивать на изоляции этого ключевого регионального игрока. Для России эта дилемма будет особенно сложной, поскольку еще до ситуативного союзничества в рамках сирийского конфликта зона близости интересов Москвы и Тегерана была довольно значительной. Иран имеет для России самостоятельное значение, он очень важен как прикаспийское государство и как страна, способная сыграть большую роль в формировании панъевразийской сети транспортных коммуникаций. Кроме того, пока неясны последствия включенного в указ президента США о сокращении приема беженцев и иммигрантов распоряжения Пентагону и Государственному департаменту разработать план по созданию «зон безопасности» в Сирии и в соседних регионах.

Риторика Дональда Трампа, увязывающая возможный пересмотр режима санкций в отношении России с ее позицией относительно проблем ядерных вооружений вполне обоснованно воспринимается в Москве с настороженностью. Сама логика такой увязки хотя и является новой по сравнению с позицией администрации Барака Обамы, но, очевидно, не может быть поддержана Кремлем. В день инаугурации 45-го президента США асимметричная структура стратегического равновесия между Россией и силами Североатлантического альянса никуда не исчезла. Дальнейшее понижение количественных лимитов СНВ в сколь-нибудь значительных масштабах едва ли приемлемо для России, если за рамками переговорного процесса останутся конвенциональные вооруженные силы и постоянно растущий потенциал американской глобальной системы ПРО. К тому же Дональд Трамп декларировал необходимость всеобъемлющей поддержки развития национальных сил ядерного сдерживания за счет их качественной модернизации (уже заявлено о поддержке проектов создания нового стратегического бомбардировщика и крылатых ракет для него, нового подводного ракетного крейсера стратегического назначения на замену лодкам класса «Огайо», глубокой модернизации межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен-III»). Для России в этом контексте жизненно важно не начать работать по «чужой» повестке дня, допускающей уступки в вопросах стратегической стабильности в обмен на экономические преференции.

Нет никаких сомнений, что действительно устойчивыми и конструктивными российско-американские отношения станут только тогда, когда под них будет подведен солидный базис торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Президент Дональд Трамп и новый госсекретарь Рекс Тиллерсон, очевидно, лучше, чем кто-либо еще в Америке подготовлены обсуждать именно этот аспект двустороннего партнерства. Но здесь все неизбежно упирается в антироссийские санкции. Принципиально, что в отношении западных санкций российская позиция не является «запросной»: мы не инициируем переговоры об их отмене, и соответственно, не идем на предварительные уступки, дающие основания для их снятия. В целом нельзя считать благоприятной ситуацию, когда сокращение санкционного бремени становится предметом политического «размена». Скорее, предпочтительным является вариант эрозии режима санкций, условия для которой могут быть созданы в результате прогресса на других треках российско-американских отношений и попыток Европейского Союза адаптироваться к быстро изменяющейся обстановке.